

УДК 343.3

А.М. Рябиков, А.И. Глушков

**К вопросу об особенностях субъективной стороны должностных преступлений,
совершаемых сотрудниками таможенных органов РФ**

Аннотация:

Статья посвящена анализу правовой основы уголовной ответственности за совершение должностных преступлений сотрудниками таможенных органов Российской Федерации, урегулированных нормами уголовного законодательства РФ. Автором выделены специфические особенности субъективной стороны должностного преступления, совершаемого сотрудниками таможни, а также предпринята попытка устранения терминологических противоречий.

Ключевые слова: уголовная ответственность, субъективная сторона должностного преступления, должностное лицо, должностное преступление, квалификация должностных преступлений, коррупция.

Об авторах: Рябиков Артём Михайлович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ryabikov.artiom@mail.ru

Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор Государственного университета «Дубна», заведующий кафедрой уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: profglushkov@mail.ru

Вступление в законную силу 12.08.2017 г. Договора о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) и 01.01.2018 г. Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) [12] повлекло за собой ряд серьезных проблем теоретического и правоприменительного характера, связанных с необходимостью устранения противоречий (в том числе терминологических), возникших между федеральным и международным законодательством. Кроме того, реализация указанных нормативных актов актуализировала сложности осуществления таможенного контроля, которые для следственных и судебных органов создают серьезные трудности в

части уголовно-правовой оценки противоправных действий должностных лиц таможенных органов.

Субъективная сторона должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможенных органов, имеет ряд характерных особенностей. Именно от правильного установления вида и формы вины зависит юридическая квалификация того или иного преступления, что непосредственно влияет на вид и размер уголовного наказания, назначаемого судом.

Не вдаваясь в дискуссионные вопросы, касающиеся всех сторон названного элемента состава преступления, раскроем общетеоретическое содержание интеллектуального и волевого момента умысла и неосторожности.

Анализ законодательных определений умысла и неосторожности, приводимых в ст. 24-27 УК РФ [15], показал, что интеллектуальный момент умысла сводится к следующим двум элементам: 1) осознание лицом общественной опасности своего действия (бездействия); 2) предвидение неизбежности (для прямого умысла) или возможности наступления общественно-опасных последствий.

Содержание волевого момента также складывается из двух альтернативных элементов: 1) для прямого умысла – желание наступления общественно-опасных последствий; 2) для косвенного умысла – не желание, но сознательное допущение или безразличное отношение к наступлению общественно опасных последствий.

Вместе с тем в уголовно-правовой литературе рядом авторов высказывалось мнение о необходимости дополнения волевого компонента косвенного умысла указанием на безразличное отношение субъекта правонарушения к последствиям [7, с. 108-109]. Так, В.И. Динька, утверждает, что мотив умышленного должностного преступления – это определенное эмоциональное состояние виновного, которое в его представлении о конечном результате преступной деятельности и является побуждающим стимулом к совершению общественно-опасного деяния [5, с. 219].

На основе приведенных теоретических предпосылок проанализируем общие правоприменительные проблемы, возникающие при установлении содержания субъективной стороны должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможни, которые появляются при правовой оценке отдельных составов рассматриваемой категории общественно опасных деяний.

Интеллектуальный момент субъективной стороны всех составов должностных преступлений заключается в осознании должностным лицом наличия у него

соответствующего должностного положения и совершения им деяния с использованием своего должностного положения [4, с. 151]. Данное положение полностью применимо к должностным преступлениям, совершаемым сотрудниками таможенных органов.

Правовой статус должностных лиц таможенных органов и содержание их противоправных деяний определяются запретами, содержащимися в огромном массиве нормативных правовых актов, среди которых центральное место теперь принадлежит ТК ЕАЭС, иным правовым актам Таможенного Союза, Федеральному закону от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации», Федеральному закону № 79-ФЗ от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [16, 17] и др. Не менее существенное значение имеют ведомственные акты ФТС России, таможенных управлений и таможен, а также «профили риска». Соответственно, интеллектуальный момент вины определяется осознанием должностным лицом содержания указанных правовых актов.

В судебной практике объективным показателем осознания должностным лицом таможенни общественной опасности совершенного им деяния является наличие его подписи в листе ознакомления с соответствующим правовым актом. Это обстоятельство в отдельных случаях при осуществлении правовой оценки действий сотрудника таможенни доводится до абсурда, когда, например, отказывая в возбуждении уголовного дела, следственные органы приводят следующий аргумент: должностное лицо не ознакомлено с должностной инструкцией (должностным регламентом) или иным правовым актом, а это является обстоятельством, исключающим наличие его вины в совершенном общественно опасном деянии.

Так, начальник таможенного поста А. не обеспечил надлежащую организацию правильности проведения таможенного контроля товара, ввозимого на таможенную территорию Союза, не составил поручение о проведении таможенного досмотра, что повлекло выпуск товара без уплаты таможенных платежей в крупном размере. В ходе проведения проверки следственным органом установлено, что в кадровом подразделении отсутствовал лист ознакомления А. с должностным регламентом. Это обстоятельство послужило основанием для отказа в возбуждении уголовного дела.

Между тем, в такой ситуации необходимо говорить не об уголовно-правовых проблемах квалификации деяния, а о криминалистических сложностях тактики доказывания вины субъекта правонарушения.

В силу изложенных обстоятельств полагаем, что наличие, либо отсутствие данных

об ознакомлении виновного с содержанием правового акта как нормативного, так и ненормативного характера, не может быть индикатором наличия, либо отсутствия вины, поскольку в ряде случаев ознакомление с документами имеет формальный характер и не означает знания лицом тех или иных правил. Равным образом, отсутствие подписи в листе ознакомления может быть следствием умышленного поведения склонных к совершению правонарушений должностных лиц, преследующих таким образом цель избежать уголовной ответственности.

Так, при проверке инспектором Шibaковым Е.В. заявления о таможенном оформлении транспортного средства «TOYOTA TUNDRA» с предоставлением льгот по уплате таможенных платежей, им было принято решение по выпуску товара и освобождению от уплаты таможенных платежей. На оборотной стороне решения инспектор проставил личную номерную печать и составил запись о выпуске товара. Отметим, что согласование данного вопроса с начальником таможни не предусмотрено таможенным законодательством.

Между тем свидетельство о регистрации транспортного средства на литовском языке содержало противоречивые сведения о физическом и юридическом лице собственнике автомобиля, следовательно, законных оснований для предоставления льгот не имелось. Инспектору Шibaкову Е.В. для устранения данных противоречий необходимо было провести дополнительные проверочные мероприятия и при таких обстоятельствах отказать в предоставлении льгот по оплате таможенных платежей. Однако он не сделал соответствующих запросов о принадлежности транспортного средства, а осуществил выпуск транспортного средства с освобождением от уплаты таможенных платежей в сумме 2 567 627,30 рублей, и выдал на автомобиль ПТС [1]. Его действия были квалифицированы как халатность по ч. 1 ст. 293 УК РФ.

Использование рекомендаций по установлению интеллектуального аспекта вины должностного лица таможенного органа, на наш взгляд, позволит разрешить ряд важных моментов. А именно: 1) изменить стереотип, в соответствии с которым индикатором осознания лицом противоправности своего деяния является наличие его подписи в листе ознакомления с соответствующим правовым актом, 2) уменьшить количество ошибок со стороны сотрудников правоохранительных органов, следствием которых является как необоснованное освобождение от уголовной ответственности, так и в отдельных случаях – объективное вменение эпизодов преступной деятельности.

В силу изложенных обстоятельств при установлении интеллектуального аспекта

вины должностного лица таможенного органа необходимо учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, в том числе наличие сведений о соблюдении ранее этим должностным лицом установленного порядка проведения таможенного оформления и контроля, опыта работы, а также информацию о возможном факте нарушения таможенного законодательства со стороны участника внешнеэкономической деятельности.

Рядом авторов отмечается неопределенность в установлении вида умышленной вины в составах злоупотребления и превышения полномочий. Субъективная сторона такого рода преступлений характеризуется прямым или косвенным умыслом [9, с. 652-654]. В юридической печати представлена и достаточно спорная позиция, согласно которой рассматриваемое деяние совершается с двойной или смешанной формой вины. Видится ошибочной точка зрения авторов, утверждающих, что анализируемое противоправное деяние может быть совершено только с прямым умыслом.

Учитывая, что исследуемый состав преступления по конструкции своей объективной стороны является материальным, в нем необходимо учитывать психическое отношение лица не только к выполнению деяния (действия или бездействия), но и к наступившим общественно опасным последствиям. Если по отношению к своему деянию виновный действительно действует только с прямым умыслом, то по отношению к наступлению общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства вполне допустим косвенный умысел.

Не всегда верно судебными и следственными органами определяется содержание мотива рассматриваемых преступлений в виде корыстной или иной личной заинтересованности. В соответствии с п. 16 Постановления Пленума ВС РФ [5], корыстной заинтересованностью является стремление должностного лица путем совершения неправомερных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц. Из этого можно заключить, что согласно позиции Верховного суда РФ корыстная заинтересованность представляет собой стремление извлечь выгоду имущественного характера не только для самого должностного лица, но и для третьих лиц.

Подробное определение корыстной заинтересованности встречается и в научной литературе. Например, Б.В. Волженкин утверждает, что «злоупотреблением должностными полномочиями из корыстной заинтересованности следует считать такие неправомερные

действия должностного лица, которые совершены с целью получения имущественной выгоды без незаконного безвозмездного обращения чужого имущества в свою собственность или собственность других лиц» [3, с. 461]. В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении главного государственного таможенного инспектора отдела таможенного оформления и таможенного контроля Астраханского таможенного поста Шмагина А.А., который дважды оказал пособничество своему коллеге в злоупотреблении должностными полномочиями. Об иной личной заинтересованности свидетельствует стремление извлечь выгоду неимущественного характера через содействие своим коллегам по работе [11].

Анализируя различные доктринальные точки зрения по данному вопросу, а также судебную практику, В.А. Мерзлякова делает вывод, что «корыстная заинтересованность должностного лица при злоупотреблении должностными полномочиями будет заключаться в том, что лицо незаконно, путем злоупотребления своих полномочий, стремится получить для себя или в собственность других лиц выгоду в виде имущества, материальных ценностей, принадлежащих третьим лицам на правах безвозмездного пользования либо приобретение права временного пользования, распоряжения данным имуществом по своему усмотрению» [8, с.137-138.].

Такое определение содержания корыстной заинтересованности привело к тому, что при рассмотрении конкретных уголовных дел в отношении должностных лиц таможенных органов суды указывают, что должностное лицо действовало в интересах третьих лиц, круг которых не установлен, что нельзя признать допустимым.

Полагаем, что общественная опасность данного преступления заключается в том, что противоправное поведение является средством удовлетворения личных интересов. [19, с. 2]. Такие же тенденции в сфере должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможни, присущи и зарубежному законодательству [18, с. 44-45; 20, с. 482-490].

В свете рассматриваемых проблем необходимо отметить, что формулировка законодателя по поводу «корыстной или иной личной заинтересованности» с точки зрения правил лексики предполагает, что корыстная заинтересованность является разновидностью личной заинтересованности. При этом согласно толковому словарю русского языка одно из лексических значений слова «личный» определяется как «затрагивающий интересы какого-либо лица», «касающийся только его», «касающийся непосредственно какого-нибудь лица» [13, с. 376; с. 475].

Согласно абз. 2 п. 16 Постановления Пленума ВС РФ [10], иной личной заинтересованностью является стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленную карьеризмом, семейственностью, желанием приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п. Б.В. Волженкин к иной личной заинтересованности также относит месть, зависть, тщеславие, стремление уйти от уголовной ответственности за допущенные ошибки и недостатки в работе [2, с. 83].

Учитывая изложенное, можно констатировать следующее: содержание вины должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможенных органов, представляет собой отражение в сознании должностного лица фактических признаков, характеризующих объект и объективную сторону данной категории преступлений. Они, в свою очередь, определяются содержанием огромного массива правовых актов, центральное место среди которых принадлежит ТК ЕАЭС, иным актам Таможенного Союза, национальному законодательству (№ 114-ФЗ и № 79-ФЗ и др.). Кроме того, существенное значение имеют ведомственные акты ФТС России, таможенных управлений и таможен, а также «профили риска».

Представляется целесообразным внести изменения в редакцию абз. 2 п. 16 Постановления Пленума ВС РФ, изложив его следующим образом: *«корыстной заинтересованностью является стремление должностного лица путем совершения неправомερных действий получить для себя, своих близких, иных лиц, в обогащении которых виновный заинтересован, выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц»* (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т.п.).

Такое изменение диспозиции п. 16 Постановления Пленума ВС РФ позволит, во-первых, привести в соответствие значение уголовно-правового термина лексическому толкованию, а, во-вторых, избежать ошибок в правоприменительной практике при решении вопросов о привлечении должностных лиц к уголовной ответственности за совершение преступления указанной категории.

Библиографический список:

1. Апелляционное постановление по делу 22-2638/2017 07.12.2017 [Электронный ресурс] //Судебные акты и решения – Астраханский областной суд (Астраханская область). URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения 25.10.2018).
2. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
3. Волженкин Б.В. Уголовное право России. Особенная часть. Изд. 2-е. М., 2005. Т.2. С. 464.
4. Гавриленко Д.Н. Должностные преступления работников местного самоуправления: дис. ... канд. Юрид. наук. Ставрополь, 2008. 217 с.
5. Динека В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России: дис. ... докт. Юрид. наук. М., 2000. 345 с.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.
7. Макашвили В.Г. Волевой и интеллектуальный элементы умысла // Сов. государство и право. 1966. №7. С. 108-109.
8. Мерзлякова В.А. Уголовная ответственность сотрудников правоохранительных органов за превышение должностных полномочий: дис. ... канд. Юрид. Наук. М., 2003. 204 с.
9. Наумов А.В. Российское уголовное право Т. 2. Особенная часть. М.: Юридическая литература, 2004. 832 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
11. Приговор по делу 1-660/2015 от 30.11.2015 [Электронный ресурс] // Судебные акты и решения – Кировский районный суд г. Астрахани (Астраханская область) URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения 25.10.2018).
12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение №1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.01.2018).
13. Толковый словарь русского языка / Под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2008. 944 с.
14. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. 4-е изд, исп. и доп. М.: Норма, 2008. 1008 с.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. С. 2954.
16. Федеральный закон от 21.07.1997 №114-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 146.
17. Федеральный закон от 27.07.2004 №79-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. №31. С. 3215.
18. Duodu C. Breathing the free air of Africa // *New African*. 2005. Issue 444. Pp. 44-45.
19. Gulko N. Everyone's getting sacked // *Current Digest of the Post-Soviet Press*. 2006. Vol. 58. Issue 20. Pp. 1.
20. Pottenger M. Incentives and Norms in Anticorruption Reform // *Australian Journal of Public Administration*. 2014. Vol. 73. Issue 4. Pp. 482-490.

Ryabikov A.M., Glushkov A.I. To the question of the features of the subjective side of the official crime committed by the customs officers of the Russian Federation

This article is devoted to the analysis of the legal basis of criminal responsibility for the commission of misconduct by customs officers of the Russian Federation, regulated by the norms of criminal legislation of the Russian Federation. Analyzed the legal literature, legislation, as well as judicial practice regarding this issue. Based on the study, the author highlighted the specific features of the subjective side of the misconduct committed by customs officers, as well as attempted to eliminate the terminological contradiction.

Keywords: criminal liability, the subjective side of the misconduct, official, malfeasance, qualification of malfeasance, corruption.